

Н. Е. МЯСОЕДОВА.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПОЭТИКОЙ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ ПУШКИНА

(Поэтика биографических текстов)

В теоретическом отношении мемуарная проза Пушкина — наименее разработанная часть литературного наследия поэта. Поэтому вполне закономерно, что в последнее время она привлекает к себе все большее внимание исследователей.

Однако по установившейся традиции пушкинские мемуарно-биографические тексты рассматриваются как составляющие единого замысла, над которым поэт работал в течение всей жизни и окончить который так и не успел.¹ При этом понимание Пушкиным терминов «биография», «мемуары», «записки» трактуется как синонимичное.² Такой подход не только стирает междужанровые границы в мемуарно-биографической прозе, но и осложняет прояснение пушкинской концепции мемуарно-биографической прозы и эволюции ее поэтических приемов. Анализ пушкинских мемуарно-биографических текстов позволяет прийти к выводу, что по своей поэтической организации они могут быть подразделены на три группы: 1) *записки*, приближающиеся по своей полифонической структуре к мемуарам, в которых полифонизм является следствием того, что в центре внимания автора находятся события окружающего мира, несравненно более богатые, чем биографические факты единичной человеческой судьбы; 2) *биографические*

¹ Н. Я. Эйдельман рассматривает «Начало автобиографии» как «четвертую попытку поэта составить свои воспоминания», «только начал автобиографию, а уж докончил ее не чернилами, а кровью, в январе 1837 года». — Эйдельман Н. Я. В родню свою неукротим. — Знание — сила, 1981, № 1, с. 32, 36.

² Я. Л. Левкович в статье «Незавершенный замысел Пушкина» (Русская литература, 1981, № 1, с. 123—136) пишет: «Записки», «мемуары», «биография» для него (Пушкина — Н. М.) синонимы, т. е. — жизнеописание» (с. 123).

тексты, с характерной для них монологической структурой ведения записей, которая является следствием авторской установки охватить события всей (хронологически ограниченной) жизни данного человека и показать его духовную эволюцию; 3) *автобиографические тексты*, близкие биографическим по задаче освещения жизненного пути конкретного человека, но так как они пишутся человеком, жизнь которого еще продолжается, то они могут охватить лишь какой-либо законченный ее этап. К тому же они пишутся автором с четко осознанной целью, которая является определяющей в выборе монологической или полифонической структуры повествования, но независимо от ее выбора и применения личность автора всегда будет на первом плане в качестве носителя ценностного отношения к миру, который ее окружает.

Задачей данной статьи является выяснение пушкинского подхода к биографическим текстам. При этом прежде всего необходимо обратить внимание на то, в каком контексте Пушкин употреблял слово «биография», какое содержание вкладывал, как его представление отразилось на поэтике пушкинских биографических текстов. В основу анализа кладутся данные «Словаря языка Пушкина» (т. 1, М., 1956), при этом опускаются случаи, когда слово «биография» употребляется в значении «автобиография». Необходимо также выяснить подход Пушкина к художественным и внехудожественным текстам.

Прежде всего следует отметить, что, несмотря на различие авторских установок и сознательный вывод автора-персонажа на второй план, записки мемуарного характера могут быть использованы в работе над биографией, так как о чем бы мемуарист ни говорил, он всегда говорит о себе. Из мемуарных записок или автобиографических набросков можно реконструировать личность мемуариста и воплотить ее в биографию. Мемуарист обычно предвидит возможность будущей обработки своих записок. Предвидел ее и П. А. Вяземский, когда писал: «Однажды навсегда обязан я объяснить читателю, что в рассказах моих не всегда держусь хронологического порядка <...> Подбираю воспоминания свои более по мастям. Если будет у меня биограф, пусть он потрудится сводить и группировать года мои, как следует. А работать на него и за него я не намерен»³.

³ Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. М., 1982, т. 2, с. 248.

Об утрате такой возможности в отношении Грибоедова писал Пушкин в «Путешествии в Арзрум»: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» (VIII, 462). Таким образом, и Пушкин и Вяземский предполагали, что возможность создания биографии должна реализоваться на основе мемуарных свидетельств, а также личных встреч и впечатлений людьми, занимающими хоть и внешнюю, но все-таки близкую позицию по отношению к объекту изображения. Пушкин подчеркивает, что биографами должны стать люди, близко знавшие ушедшего, — его друзья. В письме к Плетневу по поводу предложения Баратынского написать биографию Дельвига Пушкин более подробно останавливается на этом положении: «Я знал его (Дельвига — Н. М.) в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, *что душу волнует, что сердце томит*. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга⁴, жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами» (XIV, 148—149). В этих словах — целая «программа» будущей биографии Дельвига. Наличие временных границ, вводимых смертью, и внешняя позиция биографов позволяет сюжетно оформить жизненный материал (показать развитие личности от первого незамеченного проблеска таланта к ранней зрелости и возмужалости души), придать ему лирическое освещение (показать жизнь, богатую прекрасными чувствами). При этом дважды употребленным словом «свидетель» подчеркивается важность именно внешней позиции. Занимая внешнее положение по отношению к своему предмету повествования, биограф на-

---

⁴ Пушкин употребляет в данном тексте близкое по значению к слову «биография» словосочетание «написать жизнь». Ср. в письме к Вяземскому по поводу смерти Карамзина: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дань его памяти? <...> Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том Русской Истории» (XIII, 286).

чинает оформление жизненного материала под определенным углом зрения. Дело не только в сборе необходимых сведений: по мнению Пушкина, это условие необходимое, но недостаточное («мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся»; XI, 34). Главным для биографа должен быть, по-видимому, четко осознанный ценностный подход к личности, который способствует оформлению жизненного материала не только в сюжетном, но что особенно важно для биографии художественной, в характерологическом и лирическом аспектах. В «Путешествии в Арзрум» во фрагменте о Грибоедове мы встречаемся с практическим воплощением данного подхода: «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году,— пишет Пушкин. — Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — всё в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан <...>

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться одиножды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздною рассеянностью; уехал в Грузию, где пробыл семь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе, и началом непрерывных успехов. Его рукописная комедия: *Горе от ума*, произвела неописанное действие и вдруг поставила его на ряду с первыми нашими поэтами. Несколькое времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, не ровного боя не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна» (VIII, 461--462).

Обращает на себя внимание то, что эстетическое оформление жизни Грибоедова ведется Пушкиным на минимальном биографическом материале, который составляет сюжетную

канву повествования, проецируя биографические факты в трех планах: поэтическое поприще (от участи непризнанного поэта — к поэтической славе), политическое поприще (от участи непризнанного государственного деятеля — к назначению на пост посланника и гибели на этом посту), частная жизнь (от пылких страстей — к женитьбе на той, которую любил). При этом особое значение приобретает для Пушкина характерологическое освещение личности Грибоедова, его умение повернуть жизнь согласно своим расчетам. Вспоминая о Грибоедове, Вяземский также подчеркивает, что не был Грибоедов «как полагают многие, человеком увлечения: он был более человеком обдумывания и расчета».⁵ Именно эти качества, присущие Грибоедову и подмеченные Пушкиным и Вяземским, являлись составляющими облика романтического героя. «Непризнанный Наполеон», «рожденный с честолюбием и дарованиями», «опутан сетями неизвестности», вдруг «почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь» (VIII, 461). Эта же романтическая модель характера используется Пушкиным в конце 6-й главы «Евгения Онегина»:

Ужель и впрям, и в самом деле,
 Без элегических затей,
 Весна моих промчалась дней
 (Что я шутя твердил доселе)?
 И ей ужель возврата нет?
 Ужель мне скоро тридцать лет?

Так, полдень мой настал, и нужно
 Мне в том сознаться, вижу я.
 Но так и быть: простимся дружно,
 О юность легкая моя!

< . . . . . >

Благодарю тебя. Тобою,
 Среди тревог и в тишине,
 Я наслаждался... и вполне;
 Довольно! Сясною душою
 Пускаюсь ныне в новый путь
 От жизни прошлой отдохнуть.

Дай оглянусь... (VI, 136)

Лирическое освещение событий вытекает из добровольного прощания с молодостью, в биографическом же наброске о Грибоедове оно осложняется предчувствием скорого прощания с жизнью. «Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге,— пишет Пушкин,— пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия <...> пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею» (VIII, 460—461).

⁵ Вяземский П. А. Указ изд., с. 235.
 4—2221

Пушкин начинает рассказ о Грибоедове с финала, с описания их последней встречи и гибели Грибоедова, затем переходит к рассказу о знакомстве с ним в 1817 году. Таким образом, события воссоздаются Пушкиным в обратной последовательности («Я расстался с ним в прошлом году» — «Я познакомился с ним в 1817 году»), которая позволяет дважды дать описание гибели Грибоедова, первый раз с точки зрения других, подчеркнув ее жестокость и ужас, второй раз — с точки зрения как бы самого Грибоедова, для которого она не имела ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна». Таким образом, смерть вносила не только завершающий, но и поэтический момент в эстетическую интерпретацию личности. Смерть великого человека не просто воспринималась Пушкиным как «высокий предмет для поэзии», как, например, смерть Байрона (XIII, 99), но и вносила возможность поэтического освящения личности и в биографической прозе, и в сознании читателя. Отвечая Вяземскому по поводу его сожалений о сожжении записок Байрона⁶, Пушкин заме-

⁶ В письмах Вяземского В. Ф. Вяземской и Пушкину на протяжении почти полутора лет говорится о намерении его написать о Байроне: 21 июня 1824 г.: «Пускай он (Пушкин — Н. М.) пришлет скорее стихи на смерть Байрона; я сам хочу прозою писать о том же Вместе напечатать» (Остафьевский Архив кн. Вяземских. Пб., 1909, т. V, вып. 1, с. 26). 2 августа 1825 г.: «...в Остафьево <...> примусь баять о Байроне. Между тем всё эта мысль гнездится у меня в голове, и собираю все возможные материалы» (XIII, 201). Пушкин был заинтересован замыслом Вяземского, что видно из его писем; май-июнь 1825 г.: «...все-таки жду твое о Байроне» (там же, с. 184); 13 июля 1825 г.: «...что твой Байрон или Бейрон?» (там же, с. 187); 10 августа 1825 г.: «Что твой Байрон? перешли мне его прежде печати» (там же, с. 204). Согласно черновому тексту записки А. И. Тургенева о русских переводчиках Байрона, составленной им по просьбе Т. Мура вечером 20 февраля 1829 года, Вяземский «имел намерение написать его (Байрона — Н. М.) биографию до того как узнал, что более искусная рука собирается воздвигнуть ему *памятник, вековечнее меди*» (Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982, с. 747, оригинальный текст с. 746, текст дневника А. И. Тургенева, с. 742). Тургенев и Вяземский имеют в виду сообщение, согласно которому сам Мур в 1828 году приступил к написанию биографии Байрона (там же, с. 732). Таким образом, сожаления Вяземского по поводу сожженных записок Байрона можно рассматривать как сетования биографа по поводу потери ценного материала, а ответ Пушкина, как своеобразную «программу» построения биографии на минимальном биографическом материале, то есть биографии художественной. Точно установить характер замысла Вяземского невозможно, думается, однако, что он был каким-то образом связан с биографией поэта. Тогда сожаления Вяземского по поводу сожженных записок Байрона можно рассматривать как сетование биографа.

чает: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне» (XIII, 243). Пушкин интерпретирует личность Байрона по той же сюжетной схеме, что и Грибоедова: поэтическая слава, частная жизнь (мучения великой души), политическое поприще (борьба за освобождение Греции и героическая смерть).

Лишь в словах о «мучениях великой души» слышится едва уловимый намек на то, что в жизни Байрона был момент, когда он почувствовал необходимость расцелиться раз и навсегда со своим прошлым и покинул Англию, став добровольным изгнанником. Однако наличие этого поворотного события в жизни поэта позволяет предположить, что он был бы замечен Пушкиным и включен им в эстетическую интерпретацию личности Байрона как кульминационный момент. Кроме того, Пушкин, как и в случае с Грибоедовым, видел в судьбе Байрона вариант наполеоновской судьбы. В статье «О трагедии Олина «Корсер» Пушкин отмечает, что «[сближение себя] с Наполеоном нравилось <...> самолюбию» Байрона (XI, 64). Таким образом, рассмотренные наброски биографий Грибоедова и Байрона трактовались Пушкиным как варианты наполеоновской легенды.⁷

«Путешествие в Арзрум», несмотря на свою мемуарную основу, традиционно относится к художественным текстам, так как Пушкин сам его готовил к печати и издавал. Совпадение организации материала в эскизе о Грибоедове с теоретическими замечаниями Пушкина о замысле биографии Дельвига и Байрона позволяет рассматривать эти материалы как подступы Пушкина к художественной биографии.

Таким образом, мы вплотную подошли к вопросу о соотношении художественных и внехудожественных биографических текстов в понимании Пушкина. Для рассмотрения этого вопроса обратимся к поэтике «Начала автобиографии» и сопоставим ее с поэтикой предшествующих текстов.

В период работы над «Арапом Петра Великого» и над «Началом автобиографии» Пушкин обращался к рукописной немецкой биографии А. П. Ганнибала⁸, к своему переводу этой

⁷ О понимании наполеоновской легенды в пушкинскую эпоху см.: Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977, с. 11—12.

⁸ Рукописная биография А. П. Ганнибала принадлежит перу А. К. Роткирха (1746—1797), мужа С. А. Ганнибал (1759—1802). См.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи Пушкина. Л., 1981, с. 116.

биографии и к воспоминаниям П. А. Ганнибала. При этом в работе над родословной был использован не только мемуарный текст, но и прежде написанный текст «Арапа Петра Великого». Работая над «Началом автобиографии», Пушкин в семантическом плане опирался на художественный текст, то есть на «Арапа Петра Великого», в котором Ганнибал выведен как сподвижник, наперсник Петра I. Сопоставляя фрагмент пушкинского перевода биографии Ганнибала, рассказывающий о получении А. П. Ганнибалом в Париже письма от Петра I, «Арап Петра Великого» и «Начало автобиографии», можно прийти к выводу, что мотивировка решения Ганнибала вернуться в Россию отлична от той, которая дается в немецкой биографии. В пушкинском переводе подчеркивается морально-этическая сторона ситуации: «Петр <...> писал Регенту, что он Анниб. <ала>принуждать никак не намерен вступить в свою службу, что он совершенно свободен и что предоставляет он всё его совести» (XII, 436)⁹. Вопрос о совести понимается А. П. Ганнибалом как вопрос о чести; он «немедленно оставил службу, благодарив франгузов за их ласки и честь» (XII, 346). В «Арапе Петра Великого» Пушкин заменяет вопрос о чести вопросом о «доброй воле» Ганнибала, подчеркивая, что в любом случае Петр решил не оставлять «прежнего своего питомца» (VIII, 8). Благородство Петра, проявившееся в этом решении, «тронуло Ибрагима до глубины сердца. С той минуты участь его была решена» (VIII, 8). Таким образом, как и в художественной биографии, в «Арапе Петра Великого», рассказывая о судьбе своего предка, Пушкин подчеркивает наличие решающего момента в его судьбе и доброй воли, иными словами, права выбора у героя повествования. В «Начале автобиографии» Пушкин сохраняет эту трактовку, но снимает кульминационное напряжение: «Тронутый Ганнибал немедленно отправился в Петербург» (XII, 312).

Рассказывая о присвоении Ганнибалу звания капитан-лейтенанта по возвращении из Парижа в Россию, Пушкин также

⁹ В тексте Роткирха данное место читается следующим образом: «Настоящая причина этой проволочки не могла укрыться от пронизательности государя. Он написал регенту, что Ганнибала к своей службе не неволит и настоящим предоставляет ему полную свободу действовать по собственной совести и доброй воле». (Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 54; немецкий текст на с. 47).

ориентируется не на поэтику художественной прозы (см. в «Арапе Петра Великого»: «На другой день Петр <...> поздравил его капитан-лейтенантом бомбардирской роты преображенского полка, в коей он сам был капитаном»; VIII, 13), а на поэтику внехудожественной биографии («Государь <...> сделал его (28 лет) бомбардирской роты Л. Г. Преображенского полка, коего полка сам Петр был капитаном, капитан-лейтенантом...»; XII, 436). В «Начале автобиографии» об этом обстоятельстве говорится: «Государь пожаловал Ганнибала в Бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном» (XII, 312).

На близость «Начала автобиографии» к поэтике внехудожественной биографии, помимо стилистической ориентации, указывает авторская установка, позиция Пушкина-биографа. В художественной биографии он совершенно определенно заявлял о субъективности своего повествования, которая исходит из позиции свидетеля или очевидца. В биографии внехудожественной, наоборот, подчеркивается, что свидетелями являются другие, при этом биограф объективно оценивает их показания (см. упоминание образа Петра и Павла, связанного со встречей Петром А. П. Ганнибала, «который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать». Ср.: «Его постановления доньше уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память»; XII, 312, 313) или же по необходимости ссылается на них. См. ссылки Пушкина на «рукописную биографию», на «немецкого биографа», на семейное предание, о котором он знает «довольно темно» (XII, 311, 312, 313). Такой подход к свидетельствам очевидцев вносит в повествование установку на объективное освещение событий, которая неоднократно подчеркивается Пушкиным («Известно, что сам Петр был ее капитаном», «Судьба Долгоруких известна»; XII, 312). В художественном же тексте все свидетельства очевидцев даются автором преломленными через его субъективное мировосприятие: «По свидетельству всех исторических записок, ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени» (VIII, 3).

Сюжетная организация материала в художественной биографии, опирающаяся на временные границы, вводимые датами рождения и смерти, и предполагающая наличие кульминационного поворота в развитии событий, а также лирического освещения событий, которое является следствием морально-

волевой установки биографа, во внехудожественной биографии трансформируется в простое перечисление послужного списка, в котором факт смерти ставит лишь финальную точку. Рассмотрим, как говорится в пушкинском переводе немецкой биографии о последних годах жизни Ганнибала: «Елизавета воцарилась — Анниб. <ал> написал ей только — Помяни мя Г <оспо>ди Егда etc. — Она тотчас подарила ему 600 душ в Пск. <овской> Губ. <ернии> и село *Рагола* около Ревеля, сделала его бригадиром, обер-комендантом Ревеля, Ген. <ерал>-Майором, после Генерал-Инженером, Ген. <ерал>-Аншефом, и Директором Каналов в Кронштадте и Ладожского сообщения. При Петре III попал он в отставку по болезни, подагре и кончил жизнь философом, 1781 14 мая на 93 <г.> погреб. <ен> в *Суйде* близ своей супруге» (XII, 437)¹⁰. Пушкин несколько сокращает список, но в целом ведет повествование по той же сюжетной схеме: «Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганнибал написал ей евангельские слова: помяни мя, егда приидеши во царствие свое. Елисавета тотчас призвала его ко двору, произвела его в бригадиры, и вскоре потом в генерал-майоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской <...>, также деревню *Раголу*, близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93 году своей жизни» (XII, 312—313). Эту же сюжетную схему использует Пушкин, рассказывая об Иване Абрамовиче Ганнибале: «Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления донные уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году я видел стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы...» (XII, 313).

¹⁰ Текст немецкой биографии в данном месте Пушкиным значительно сокращен. См.: Рукою Пушкина, с. 49, 56.

При этом о смерти И. А. Ганнибала даже не упоминается. Так же как и в предыдущем фрагменте, биографические факты выстраиваются по линии значимости событий и должностей при отсутствии кульминационного (поворотного) пункта, при этом ценностное осмысление личности И. А. Ганнибала выводится из отношения к нему «замечательных людей славного века» и заканчивается освещением отношений И. А. Ганнибала с Суворовым. Для Пушкина, таким образом, в данном случае важен не столько сам жизненный путь Ивана Абрамовича, сколько отражение этого пути в жизни и сознании других (Суворова, государины, стариков и т. д.). В «Начале автобиографии» обращает на себя внимание отсутствие временных границ, вводимых датами рождения и смерти.¹¹ Рассказ о предках начинается не с рождения, а с «деяний», при этом жизнь каждого дается и оценивается в свете его общественной позиции и частной жизни. Сам факт смерти важен именно в характерологическом плане, иногда им подменяется весь биографический очерк: «При Петре I <...> стольник Федор Матвеевич уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным» (XII, 311) Или: «Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму, за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей...» (XII, 311). В «Начале автобиографии» факт смерти не несет в себе возможности лирической интерпретации событий за исключением последнего эпизода, лиричность которого навеяна сходством его финала с традиционным финалом средневекового романа («Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга...»; XII, 314).

Таким образом, среди биографических текстов нами различаются художественные и внехудожественные, которые и выделяются в самостоятельные подгруппы. Пушкин различал их по их поэтической организации, предлагающей эстетическую интерпретацию личности в художественной биографии и ее отсутствие в биографии внехудожественной.

Эстетическая интерпретация предполагает наличие не только сюжетного оформления жизненных фактов, но и обязательное характерологическое освещение личности, а также лири-

---

¹¹ В «Начале автобиографии» нет ни одной даты рождения, но упоминается о смерти шести представителей рода, из которых датируются только две.

ческий колорит повествования, исходящий из поэтизации смерти героя. Для авторской установки характерно субъективное освещение событий, которое является следствием определенной позиции автора как очевидца происходившего.

Во внехудожественной биографии лирическое освещение событий отсутствует, основное же значение приобретает сюжетная организация материала, при которой характерологическая линия заметно ослаблена отсутствием кульминации, а также ориентацией автора на объективизацию повествования.

Поэтому пушкинское «Начало автобиографии» рассматривается нами как внехудожественный биографический текст. Своими корнями он уходит в атмосферу литературной борьбы с Булгариным 1830 года, когда в черновиках статьи «Опровержение на критику» рождались первые наброски будущей родословной¹². Мы не касались вопроса о дате написания «Начала автобиографии», так как этот вопрос требует дополнительных исследований; не был затронут нами и вопрос об отношении Пушкина к автобиографическим текстам, так как это — тема отдельной статьи.

---

¹² Левкович Я. Л. Указ. соч., с. 129, 134.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПРОБЛЕМЫ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
РИГА 1983